

Глава 13. Кто кого переиграл

В цветочной гостиной личной резиденции уездного судьи, расположенной в задней части ямэня, витал аромат чая. Цинь Шэнь смотрел на грязные пятна на подоле чистой одежды Еян Цы, и у него возникло ощущение, будто безупречно белый нефрит запачкали пылью.

На самом деле, пока они шли пешком, подола испачкались у обоих, но на светло-голубой ткани Еян Цы грязь была заметнее. К тому же он и сам был бледен, как слива в цвету или снег на беседке — видеть его запачканным было досадно. Князь опустил взгляд и отпил чай.

Еян Цы не обращал внимания на испачканную одежду. Он любил чистоту, но любил и близость к земле. Его сапоги были в земле, а не в крови.

— Князь прибыл в Сяцзинь не только для того, чтобы проинспектировать свои вложения, не так ли? — спросил он напрямик, пользуясь отсутствием посторонних.

Цинь Шэнь ответил вопросом на вопрос:

— А как ты думаешь, зачем я приехал?

Еян Цы медленно отпил обжигающий чай.

— Князь всё ещё не доверяет мне. Я бы мог кое-что прояснить, но здесь не тайные покои княжеской резиденции. Лучше поговорим о том, о чём говорить можно.

Цинь Шэнь достал небольшой, туго связанный бумажный свёрток, положил его на стол и развернул. Внутри оказались обломки связки колокольчиков, покрытые пятнами крови.

— Знакомо? — спросил он.

Еян Цы коснулся их подставкой для чашки и позвал:

— Ли Тань!

Ли Тань проворно вошёл, его лицо выражало сообразительность.

— Что угодно хозяину?

— Сходи к Тан Шицзину и принеси вторую половину связки колокольчиков, ту, что он тогда бросил в зале для совещаний.

Ли Тань кивнул и вышел, но вскоре вернулся, неся обломки, завернутые в тряпицу.

— Сюньцзяня Тана нет в казарме. Один из его подчинённых отдал, сказал, что тот бросил их в ящик стола.

Еян Цы сложил две половинки вместе — получилась целая связка колокольчиков с конской шеи.

— Та засада на почтовом тракте, — спросил Цинь Шэнь, — где тебя и пять тысяч лянов серебра использовали как приманку, — ты знал об этом заранее?

— ...Знал, — ответил Еян Цы.

В глазах Цинь Шэня промелькнуло недовольство.

— Благородный муж не стоит под опасной стеной, а ты сам идёшь в пасть тигру. Что же это, разыскиваемых преступников не использовать для улучшения послужного списка уездного судьи, а отдать сюньцзяню на премию? Такая щедрость?

Еян Цы улыбнулся:

— Он ведь тоже мой подчинённый. Патрульные инспекции должны находиться в ведении местных гарнизонов, но у гарнизонов нет денег, и эту обязанность свалили на уезды. Уезд Сяцзинь содержит эту инспекцию, да и гарнизон Пиншань иногда зовёт их на подмогу.

— Что за человек этот Тан Шицзин, ты проверял его?

— Проверял, после прибытия в Сяцзинь — точнее, после инцидента с разбойниками.

Еян Цы подул на чай, остужая его.

— Раньше он служил в тысячестве Линьцин гарнизона Пиншань. В прошлом году его понизили и перевели в патрульную инспекцию Сяцзиня. Говорят, он не поладил с чжэньфу — командиром гарнизонной полиции в Линьцине.

— Чжэньфу... — Цинь Шэнь задумался, но не смог вспомнить такого. А вот с цяньху Гэ из Линьцина он был шапочно знаком — видел его в конце прошлого года в резиденции князя Лу, когда поздравлял своего второго брата с Новым годом. Это была одна из редких возможностей для него покинуть свои владения.

— Гарнизон Пиншань охраняет всю префектуру Дунчан, — сказал Еян Цы, — а тысячество

Линьцин расположено в богатом месте, это тёплое местечко. Его оттуда вышвырнули, ему и так не повезло. Желание заработать побольше на премиях вполне естественно. Князю не стоит быть к нему слишком строгим.

Цинь Шэнь хмыкнул:

— Он ведь не на меня ставил ловушку. Если уж приманка не возражает, с чего бы мне быть строгим?

Еян Цы почувствовал в его словах скрытую насмешку и, искоса взглянув на собеседника, вдруг улыбнулся с ноткой кокетства:

— Отчего-то мне кажется, что князь заступает за нижестоящего чиновника. Хотя в тот день, когда вы прижали меня к полу в кабинете, вы не проявили ни капли сочувствия.

Цинь Шэнь, хоть и понимал, что эта игривость была лишь шуткой, на мгновение растерялся. Придя в себя, он ответил равнодушно:

— Капля всё же была. Иначе я бы применил некоторые нечестные методы, и ты бы не умер, но и чиновником быть бы не смог.

— О, и что же это за столь действенные методы? — спросил уездный судья.

— Изуродовал бы твоё лицо, — сказал Цинь Шэнь. — По законам Великой Юэ за это полагается два года каторги, которую можно заменить штрафом, но ты бы потерял благопристойный вид. Разве смог бы ты оставаться чиновником? Или раздел бы тебя догола... — он многозначительно взглянул на талию Еян Цы, не договаривая.

Еян Цы на миг замер, а потом рассмеялся:

— К несчастью для вас, князь, хоть в вас и есть нечто демоническое, но низости в вас нет, на подлые поступки вы не способны. К тому же раздевать меня, содомита... с вашей-то внешностью, ещё неизвестно, кто кого бы переиграл.

Цинь Шэнь помрачнел:

— Ты действительно содомит?

— Да, — невозмутимо ответил Еян Цы.

— Ты уверен, что тебе нравятся мужчины?

— Мне уже двадцать лет, неужели я не знаю, нравятся мне мужчины или женщины? Это вы, князь, похоже, не определились со своими предпочтениями, раз до сих пор не взяли себе наложницу.

— Я не содомит! — тут же выпалил Цинь Шэнь.

— О, князю не стоит так на этом настаивать. Я считаю, что любить мужчину, или женщину, или даже рысь — всё равно. Главное, чтобы это было по взаимному согласию и не вредило другим. А остальным до этого не должно быть дела.

— ...Что значит «любить рысь»?

— Это просто пример, князь, не принимайте близко к сердцу.

Цинь Шэнь глубоко вздохнул и снова посмотрел на грязь на подоле одежды судьи. Теперь она не казалась такой уж неуместной. В конце концов, его образ благородного и утончённого мужа был лишь маской. На самом деле этот Еян Цы был расчётливым, хитрым и смелым интриганом, который никогда не упустит своего и всегда будет стремиться к большему.

«И он ещё хочет, чтобы я ему проиграл»

Еян Цы не собирался выяснять, содомит ли князь Гаотан. Сейчас его больше волновали колокольчики на столе.

— Тан Шицзин сказал, что убитые им разбойники не были людьми «Кровавого Колокольчика», но были тесно с ним связаны. Князь знает подробности?

Цинь Шэнь отбросил мысли о «проигрыше» и ответил:

— В Шаньдуне много конных разбойников, у каждого своя банда и своя территория. Всего их больше дюжины, больших и малых. Самая крупная — банда «Кровавого Колокольчика» Ди Хуадан. Убитые главари, говорят, когда-то были в её отряде, но потом отделились. Сейчас «Кровавый Колокольчик», возможно, действует в районе Учэна префектуры Цзинань, не так уж далеко от нашей префектуры Дунчан.

Еян Цы вздохнул:

— В конечном счёте всё сводится к одному — к бедности. Если бы крестьяне, ремесленники, торговцы... если бы все могли заработать, были сыты и одеты, кто бы пошёл по лезвию ножа?

Цинь Шэнь кивнул, полностью соглашаясь:

— Говорят, что всё разделённое со временем объединяется, но Срединные земли только что пережили десятилетия войн. Едва достигнув единства, не прошло и тридцати лет с основания государства, а народ ещё не успел оправиться, как северная конница снова проявляет беспокойство. А в столице, в Цзиньлине, многие знатные вельможи уже забыли о страданиях войны и хотят лишь наслаждаться империей, построенной их отцами. Даже император... — он умолк.

Еян Цы тоже почувствовал, что разговор становится слишком откровенным для недавних знакомых. Возможно, весеннее тепло, ароматный чай и тишина в комнате, где слышно было биение сердца, располагали к этому. Он поставил чашку и медленно произнёс:

— Император Яньхуэй в молодости тоже был героем смутных времён, вместе с вашим отцом, маршалом Цинь, и великой княжной он сражался на севере и юге, он — один из основателей империи. Но ничто не вечно под луной: красота увядает, а герои стареют. Однако стареющий герой — это не самое печальное...

Он тоже не стал продолжать. Оба были умны, и намёка было достаточно.

Испокон веков, кто из девяти великих императоров-основателей династий закончил свою жизнь благополучно? Одни увлекались алхимией, другие становились марионетками, третьих заключали под стражу собственные министры и сыновья, четвёртые умирали при загадочных обстоятельствах, а некоторые, не в силах вынести упадка и неудач после пика могущества, сдавались и скорострительно умирали. На этом высочайшем троне власти даже герою невероятно трудно сохранять ясность ума от начала до конца.

За окном незаметно сгустились сумерки. Очнувшись, они обнаружили, что уже пора зажигать лампы.

Еян Цы почувствовал сильный голод. Когда он встал, у него потемнело в глазах, зазвенело в ушах, и выступил холодный пот. Он не мог терпеть голод и всегда носил с собой сахар. Но позавчера он отдал весь мешочек маленькой девочке и забыл пополнить запасы.

Он растерянно открыл глаза и в темноте попытался опереться о стол, но случайно наткнулся на чью-то руку.

Ладонь была широкой и сухой, у основания пальцев и на большом пальце были плотные мозоли от лука, а на большом пальце было надето твёрдое кольцо лучника (шэ) с рифлёной поверхностью.

Головокружение пришло так же быстро, как и ушло. Тьма отступила, и судья увидел руку, державшую его, и человека, стоявшего вплотную. Цинь Шэнь, нахмурившись, смотрел на его бледное лицо и лоб, покрытый испариной.

— Ты болен?

«Сам ты болен! — Еян Цы негодовал. — От сидения в своей вотчине с ума сошёл или никогда доброго слова не говорил? Неужели не знаешь, как проявить заботу?»

Еян Цы вздохнул:

— У тебя есть сахар?

— Сахар? С собой нет... и в повозке тоже. Я не люблю сладкое.

— Ладно, я позову слугу. Ли Тань! Ли Тань, принеси сахару... — зовя своего юного слугу, он вдруг осознал, что всё ещё держит руку Цинь Шэня. Но тот не отпускал, и он не спешил убирать свою, а вместо этого с любопытством потрогал костяное кольцо лучника (шэ), которое давило ему на руку. — Князь часто стреляет из лука?

— Это просто старинное украшение, — равнодушно ответил Цинь Шэнь. — Это шэ времён династии Шан, им пользовалась сама Фу Хао во время походов. Одна из моих драгоценностей.

Говорил он уверенно, но слушатель отнёсся к его словам с сомнением: что за кость такая прочная, что не истлела за две тысячи лет? Но князь Гаотан считался знатоком древностей, и вряд ли он стал бы лгать о каком-то кольце.

Браслет из семян бодхи, соединённый с кольцом кожаным шнурком, тоже выглядел старинным, гладко отполированным от долгого ношения. Но Еян Цы не собирался допытываться о чужих вещах. Он отпустил руку, медленно сел и надул губы:

— Как долго.

Ли Тань влетел в комнату, словно на огненных колёсах, положил на стол пакет с колотым сахаром и протянул чистый платок. Еян Цы вытер лоб и бросил его на стол.

— Эта одежда грязная, потом постирать надо.

— Хозяин хочет сначала принять ванну? Я скажу Ломо, чтобы нагрел воды.

Еян Цы положил в рот кусочек сахара и сказал:

— Сначала поужинаем.

Ли Тань взглянул на Цинь Шэня:

— А этот гость?

Цинь Шэнь посмотрел на сахарную крошку у губ Еян Цы и вспомнил их первую встречу, когда тот спешно спускался со склона, и у его губ тоже была сахарная крошка. Тогда он подумал, что этот человек неряшлив, несмотря на свою утончённую внешность. А теперь... он вдруг протянул руку и стёр сахарную крошку с губ Еян Цы.

Еян Цы замер. Ли Тань широко раскрыл рот и, заикаясь, указал на Цинь Шэня:

— Т-ты... тебе конец! Хозяин ненавидит распутников, которые к нему лезут! Тебя сейчас в лепёшку расшибут!

Цинь Шэнь собирался вытереть палец о платок на столе, но после такого крика Ли Таня не сделать чего-нибудь распутного было бы просто невежливо. Он посмотрел на сахарную крошку на пальце и неуверенно лизнул её.

— Ах ты, негодяй! — Ли Тань, засучив рукава, уже собирался схватить скамейку.

— Уйди, Ли Тань, — вздохнул Еян Цы.

— Что? — слуга замер с поднятой скамейкой.

— Уйди. Принеси ужин на двоих.

Ли Тань остолбенел. Скамейка чуть не упала ему на ногу. Он кое-как удержал её, ошарашенно промычал «о-о-о» и, развернувшись, вышел.

На кухне он столкнулся с Тан Шицзином, который пришёл в поисках еды.

— Сюньцзянь Тан, — Ли Тань, хоть и недолюбливал его за манеру швыряться вещами, всё же поздоровался. — Я несую ужин хозяину. Ты иди в западную столовую, повар уже всё накрыл.

Тан Шицзин взглянул на короб для еды, который тот нёс:

— На двоих? У уездного судьи гости?

— Какой-то распутник с ангельским личиком. А хозяин даже не позволил мне его ударить, — Ли Тань захлопнул крышку и ушёл.

Сюньцзянь Тан вспомнил того молодого чиновника с синяком на скуле, прикинул вес слов «распутник с ангельским личиком» и «хозяин не позволил ударить» и с невозмутимым видом

направился в западную столовую.

Он ел молча. Фан Юэ, наевшись до половины, подсел к нему с масляными губами.

— Начальник, я сегодня днём видел за городом, на востоке, двух крепких мужиков. Они верёвками поймали земляного леопарда.

— В окрестностях Сяцзиня нет земляных леопардов, — Тан Шицзин оттолкнул его лицо концом палочки. — Во всём Шаньдуне их нет. Они водятся только в Лянчжоу. Во дворце земляные леопарды — это дань из Лянчжоу, Ляодуна и Когурё.

— Точно земляной леопард, у него на ушах такие заметные чёрные кисточки, — прожевав, сказал Фан Юэ. — Большой такой, с ошейником. Наверное, какой-то знатный вельможа держит.

— Да какие в Гаотане знатные вельможи. Даже окружной судья Сюй не может позволить себе содержать земляного леопарда, который съедает четыре цзиня мяса в день... — сюньцзянь вдруг замолчал, его взгляд стал глубоким. — Так вот какой гость.

— Какой гость?

Он отложил палочки и встал.

— Сегодня ночью у меня дела, я уеду. Ты будешь отвечать за патрулирование. Если я не вернусь завтра или послезавтра, останешься за главного в инспекции.

Фан Юэ, жуя лепёшку, поднял голову и тихо спросил:

— Ты возвращаешься в Линьцин?

Тан Шицзин не ответил и ушёл.

<http://bllate.org/book/15875/1439058>